

Евгений Гончаров
New «Мёртвые души»

И ДРУГИЕ ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Евгений Гончаров
New «Мёртвые души».
И другие повести и рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36304405

ISBN 9785449064981

Аннотация

В своих произведениях во главу угла я ставлю самоиронию. Немного перефразируя любимого классика русской литературы, говорю: «Над кем смеёмся? Над собой смеёмся!»

Содержание

New «Мёртвые души»	5
Время не колбаса	5
Про битлов и Гоголя	8
Миг между прошлым и будущим	11
Смерти нет, ребята!	14
Человек-гастроном	22
Звонок от Чичикова	27
Про лохотроны	30
Made in Blagozvonsk	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

**New «Мёртвые души»
И другие повести
и рассказы**

Евгений Гончаров

© Евгений Гончаров, 2018

ISBN 978-5-4490-6498-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

New «Мёртвые души»

Повесть о времени и людях

Время не колбаса

Наш главный герой, Михаил Воробьёв, жил в старинном российском городке с именем Благовонск. Почему, спросите, жил? А потому что помер он в конце этой повести. Несмотря на столь печальный исход и множество других грустных моментов по ходу повествования, обещаю вам как автор, что эту повесть вы прочтёте легко, хотя в процессе чтения не раз и не два задумаетесь о смысле жизни и бренности бытия.

Друг читатель, не суди меня строго за использование в названии моего опуса названия другого, хорошо известного тебе произведения. Так уж расположились на небе звёзды, что и Гоголь, и его поэма оказали решающее влияние на Мишину судьбу. Сам Воробьёв недолго любил Николая Васильевича и его бессмертное творение, и были у него на то весьма веские причины. Впрочем, не буду забегать вперёд. Хотя в моей повести, отмечу это особо, понятия прошлого и будущего размыты.

Время бесконечно и непрерывно. Где его начало и конец?

Нет их! И смешны потуги историков делить время на какие-то удобные для них самих отрезки – как я режу палку копчёной колбасы, когда она, по великим праздникам, появляется в моём холодильнике. Да что это я жалуясь на свою жизнь? Писатель, особенно русский, должен быть голодным. Это заставляет его с большей скоростью стучать по «клаве» в надежде на получение гонорара. Вот, скажем, грузчику или спортсмену никак нельзя без плотного обеда, с обязательной мясной котлетой и сладким компотом. Писак же хватит и доширака. Как справедливо говорят у нас в народе: «Писать – не мешки таскать». Но оторвёмся от колбасы, которая всегда так быстро заканчивается, и вернёмся к бесконечному времени, которое человечество тысячи лет пытается порезать на эпохи, эры и исторические периоды.

Летоисчисления у разных народов велись по-разному и были привязаны к каким-либо мифическим или реальным событиям.

Свои календари были у древних шумеров, египтян и арабов. У китайцев каждая эпоха начиналась и заканчивалась с началом и концом правления очередного императора, и таковых эпох набралось целых 350, что достойно занесения в Книгу рекордов Гиннесса!

В Древней Греции счёт времени вёлся по олимпиадам, в Римской империи – от основания Рима. Иудеи ведут отсчёт лет от Сотворения мира – по своей, конечно, версии, христиане – от рождения Иисуса Христа, мусульмане – от дня

переезда пророка Мухаммада в Медину. Я уж не стану, для экономии своего и вашего времени, перечислять календари всех народов мира, которых, как написано в «Википедии», было более тысячи.

А сколько часов человечеством изобретено! И солнечные, и водяные, и песочные, и настенные, и карманные...

И всё-таки, уважаемые читатели, посмотрев на циферблат часов, не обольщайтесь, что вы понимаете ход времени – это лишь вращение на оси часовой, минутной и секундной стрелок, и не более того. В детстве, отрочестве, зрелости и старости время течет с разной скоростью. Бывает, что минуты тянутся часами, а годы мелькают как дни. Иногда время останавливается, а порой идет вспять.

Вот наш Герой Миша Воробьев считал, что «Мёртвые души» – это полный отстой и позапрошлый век. Но, помилуйте, господа! – Собакевич сейчас в парламенте, Манилов – в правительстве, Коробочка – в благотворительном фонде... Идёшь по улице – и вдруг мимо проедет, восседая в шестисотом «Мерседесе», Чичиков. А в толпе прохожих мелькнёт до боли знакомый длинноносый профиль... С вами не случилось такого наваждения?

Про битлов и Гоголя

Мишина неприязнь к произведениям Николая Васильевича Гоголя была вызвана, как это ни странно, школьными уроками литературы. Человека нельзя перекармливать чем-либо, будь то манная каша или повесть «Тарас Бульба». До конца своей жизни Воробьёв так и не взял в толк, на кой ляд его в школе заставляли учить наизусть отрывки из произведений Гоголя? Так и остались с той поры в его памяти лишь какие-то сумбурные фразы: «Чуден Днепр при тихой погоде», «Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал?», «Редкая птица долетит до середины Днепра», «Русь, куда ж несёшься ты? дай ответ».

А ещё у Миши с Гоголем был связан один весьма неприятный эпизод. Впрочем, Николай Васильевич тут был совсем не при делах, но неприятный осадок у Воробьёва, как в том анекдоте про серебряную ложечку, всё же остался. Надо ж было ему заспорить с учительницей русского языка и литературы по поводу моды на длинные, как у битлов, причёски:

– Нелли Петровна, почему советскому школьнику нельзя иметь длинную причёску?

– Длинные волосы – это неопрятно.

– Я обещаю мыть голову каждый вечер, а по утрам делать укладку феном.

– Длинные волосы носят хиппи, которые курят марихуану

и исповедуют свободную любовь.

– Нелли Петровна, а Гоголь был неопрятным?

– Почему ты так решил?

– У него же длинные волосы.

– Не сравнивай себя с классиком русской литературы.

– Откуда вы знаете, быть может, я тоже будущий классик?

– Ты сначала выучи наизусть отрывок из «Мёртвых душ».

– Нелли Петровна, а Карл Маркс?

– Что Карл Маркс?

– У него причёска, как у хиппи.

– Ну, знаешь, Воробьёв... – учительница задохнулась от гнева. – Всеми есть предел!

Потом был педсовет, обсуждавший проступок девятиклассника Михаила Воробьёва, который замахнулся на самое святое для советского человека. На память об авторе «Капитала». Произведения, легшего в основу марксистско-ленинского учения – путеводной звезды угнетённых классов и всего прогрессивного человечества. Отступника предупредили, что в случае повторения подобного его выгонят из школы с «волчьим билетом». К всеобщему удивлению, нарушителя дисциплины попросил строго не наказывать лишь директор школы Даниил Никитович. Никто не знал, что его самого в предвоенном 1940-м едва не отчислили из школы. За вопрос на уроке истории о роли красного полководца Льва Троцкого в годы гражданской войны.

А насчёт отрывков из Гоголя я вполне согласен с Мишей

Воробьёвым – зачем их запоминать, как молитву?

Миг между прошлым и будущим

Я опускаю из своего повествования продолжительный период жизни Михаила Воробьёва. Вы не узнаете: про его обучение на факультете журналистики; про работу в районной газете «Красный пахарь» и в областной – «Амурский коммунарь»; про службу пресс-секретарём в партии «Общая Россия»; про три неудавшиеся попытки семейной жизни. Я сразу перехожу к последнему отрезку его биографии – кладбищенскому.

Мы с вами словно бы сели в машину времени, расставшись с семнадцатилетним Мишей Воробьёвым, и тут же вышли из неё, встретившись с героем уже в возрасте пятидесяти лет. Ведь не зря сказано в песне: «Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь». По последним данным науки, возраст Вселенной составляет $13,830 \pm 0,075$ миллиарда лет; Солнечная система сформировалась свыше 4,5 миллиардов лет назад; жизни на Земле 4 миллиарда лет; приматы появились около 95 миллионов лет назад. А сколько человеческих поколений вмещают те самые, взятые за погрешность, «плюс-минус 0,075 миллиарда лет», вы уж сами, если не лень, посчитайте.

Грешил Николай Васильевич длиннотами, грешил. Автор «Мёртвых душ» описал бы наружность персонажа, начиная от его шапки и заканчивая башмаками. Непременно

уделил бы внимание чертам лица и цвету глаз, конституции тела – и прочее, и прочее. На всё это у него ушло бы как минимум полстраницы текста. Но Гоголь – писатель эпохи гусиного пера и чернильницы. У кого же в наш айфоновый век достанет терпения на чтение таких ничего не значащих подробностей.

И я, как литератор современный, нарисую портрет взрослого Воробьёва всего лишь тремя лёгкими штрихами. Он был похож на постаревшего и располневшего Леонардо Ди Каприо, с недельной щетиной на щеках, и предпочитал в одежде джинсовый стиль. И всё.

Работу техника по инвентаризации кладбища Воробьёву предложили на бирже труда Благовонска. Интернациональный коллектив муниципального предприятия «Ритуальный сервис» принял в свои ряды новичка поначалу несколько настороженно. Но уже через неделю Миша пил водку с русскими парнями из похоронной команды и сосал насвай с узбеками из бригады копщиков могил, получив полное расположение к себе тех и других.

Михаилу предстояло провести описание захоронений на старом и новом участках благовонского погоста, за полтора века давшего последний приют сотням тысяч покойников. Воробьёву выдали офицерскую сумку-планшет, рулетку, шариковую ручку с десятком стержней, довели месячный план – 5000 могил – и, пожелав творческих успехов, отправили в город мёртвых. По утрам он сдавал главному инжене-

ру заполненные бланки инвентаризации, брал пачку чистых листов и на весь день уходил к своим клиентам – невидимым, неслышным и непритязательным к качеству обслуживания.

Как-то Миша поделился со своим начальником сомнениями:

– Там столько много усопшего народа, что мне переписать всех времени не хватит.

На что тот философски ответил:

– Ты не успеешь – другие завершат тобой начатое.

Смерти нет, ребята!

На бесхозной могиле была лишь деревянная тумбочка и номерок от 2000-го года.

Александр Груздев верил в пришествие коммунизма. Символично, что Саша родился 31 октября 1961 года – в день принятия XXII съездом КПСС новой программы, которая заканчивалась словами: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». При этом указывался и год наступления коммунизма – 1980-й.

Смелые фантазии Герберта Уэллса, Жюль Верна и Айзека Азимова о будущем человечества меркли перед этим творением идеологического отдела ЦК КПСС – величайшего фантаста всех времен и народов.

Главным учебным пособием и украшением кабинета обществоведения, в котором Саша Груздев познавал основы исторического материализма в средней школе, было художественно исполненное панно, занимавшее всю боковую стену напротив окон. Когда-нибудь эта повесть будет экранизирована, а пока у меня нет даже художника-иллюстратора. Попробую описать это замечательное панно словами.

Картина была написана масляными красками на полотне, натянутом на подрамник размерами восемь на два метра. Последовательно были изображены первобытнообщинная,

рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая общественно-экономические формации, как их видел автор замысла этого шедеврального учебного пособия.

Художник в мельчайших подробностях живописал: первобытного человека с каменным топором и рядом мамонта; раба в каменоломне и надсмотрщика с кнутом; крестьянина с сохой и всадника в рыцарских доспехах; рабочего с молотом у наковальни и капиталиста в цилиндре и с сигарой в зубах. На капитализме мы прервёмся, поскольку живописание коммунизма требует отдельного абзаца.

Коммунистическая формация была разбита на три этапа. Солдаты и матросы, с винтовками штурмующие Зимний дворец, символизировали начало эры социализма. Рабочий в комбинезоне, с шестерёнкой в руках, колхозница в халате, со снопом пшеницы, и интеллигент в очках, с раскрытой книгой, обозначали период строительства материальной базы коммунизма. И, наконец, какие-то бесполое существа, в космических скафандрах и с реактивными соплами вместо жоп, обозначали начало собственно коммунистической эры.

Поверху панно шла хронология общественно-экономических формаций. Крупно и красным цветом были выделены даты Великой Октябрьской социалистической революции – 7 ноября (25 октября) 1917 года и начала коммунизма – 1980 год. Понизу была обозначена продолжительность жизни человека при каждом строе. Первобытный человек дожи-

вал до 20 лет, далее шло по нарастающей... Советский человек жил уже 75 лет. А теперь крепко держитесь за сиденье стула, чтобы не свалиться: с 2000 года люди становились бессмертными!

Картина «Последний день Помпеи» кисти Карла Брюллова, которую Саша видел на цветной репродукции, не произвела на него и сотой доли того впечатления, какое произвело панно в школьном кабинете обществоведения. Даты 1980 и 2000 глубоко запали ему в душу.

На первом же своем уроке преподаватель обществоведения Маргарита Петровна, или просто Марго, разъяснила ученикам различие между двумя способами распределения: «От каждого по способностям, каждому по труду» и «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Первый способ, сказала она, применяется при социализме, являющемся начальной стадией коммунизма. Второй способ будет использован при построенном коммунизме. И пояснила, что «каждому по труду» означает выдачу заработной платы деньгами, на которые трудящиеся покупают всё им необходимое, а «каждому по потребностям» – бесплатное распределение материальных благ. При социализме деньги ещё есть, а при коммунизме они будут отменены.

Последнее сообщение потрясло неокрепшие детские умы.

– А как же без денег покупать в магазине?!

– В магазинах всё будет бесплатно, – разъяснила Марго.

– Можно будет зайти и взять бесплатно аж десять пирож-

ных?!

– Можно! Но человеку столько не надо – достаточно одного-двух. Люди будут сознательными и станут брать продукты по потребности. Зачем человеку пять пар обуви сразу? Достаточно одной летней и одной зимней. Перегорел телевизор – пошёл, взял новый.

– А если на всех не хватит?

– Хватит всем! – отрезала Марго. – Благодаря внедрению научных достижений производительность труда возрастёт многократно. Рабочий день сократится до минимума, у людей появится больше времени для духовного совершенствования и культурного отдыха.

Потом классная дискуссия перешла в область продолжительности жизни.

– Маргарита Петровна, а как это – бессмертие? Люди, что ли, перестанут умирать?

– Некоторые долгожители уже сейчас преодолели вековой рубеж, скоро этого возраста будет достигать каждый человек. Потом наука найдёт способы продлить жизнь до двухсот лет, и так далее – до полного бессмертия.

– А если сердце остановится?

– Сердце – это обыкновенный насос для перекачки крови в организме. Искусственное сердце, которое сейчас применяется при операциях, ещё очень велико по габаритам – с холодильник. Но скоро механическое сердце на батарейке будет размером с яблоко, и его вживят в организм вместо

больного. То же и лёгкие – это ведь воздушные меха, как в кузне. И печень с почками – всего лишь фильтры для сбора отходов в организме. Эти и другие органы можно будет заменять на искусственные...

Мне сейчас сложно рассуждать, верила ли в свои слова сама Марго. Наверняка ведь ей, женщине ещё молодой и привлекательной, хотелось носить не туфли-лодочки фабрики «Скороход» и унылый костюм с юбкой, сшитый по выкройке десятилетней давности, а что-то похожее на то, в чём ходят женщины из стран загнивающего капитализма, которых иногда показывали в кинохронике. Ей хотелось выглядеть стильно и нарядно, как те американки, что стояли вдоль дороги при встрече первого космонавта Юрия Гагарина. Она хотела пользоваться духами «Шанель», а не приготавливать на кухне лосьон из огурца и водки, по рецепту из журнала «Наука и жизнь». Маргарита Петровна, наконец, хотела носить на пляже сексуальный купальник бикини, купаясь в похотливых взглядах мужчин. Но ей приходилось штопать чулки, пользоваться прокладками из ваты, по вечерам смотреть скучное чёрно-белое телевидение и мечтать о профсоюзной путёвке в Монголию. А всё рассказывать детям сказки о светлом коммунистическом будущем.

Верила – не верила Марго в эти байки, но вбила в Сашину голову убеждение, что через десять лет в магазинах всё будет бесплатно и что ещё через два десятилетия он обретёт бессмертие.

Наступил 1980 год. Александру Груздеву было восемнадцать лет, он учился на первом курсе историко-географического факультета Благовонского педагогического института. Саша был комсоргом группы, поэтому посещал лекции в доме политического просвещения.

После того, как лектор из обкома КПСС полтора часа распинался об общем кризисе мировой капиталистической системы и скором её крахе, а потом попросил аудиторию задавать вопросы, Саша спросил:

– Товарищ лектор, а как можно объяснить присутствие в партийной программе пункта, гласящего о создании материально-технической базы коммунизма до 1980 года?

В зале повисла гробовая тишина. Первым подал голос лектор:

– Я отвечу на ваш вопрос... Перерастание социализма в коммунизм определяется объективными законами развития общества, не считаться с которыми нельзя. И построение материально-технической базы коммунизма – одно из главных условий полного перехода от социализма к коммунизму. Гонка вооружений, навязанная странам Варшавского договора странами НАТО, не позволяет социалистическому лагерю направить все людские, производственные и сырьевые ресурсы на создание уровня благосостояния советского и братских народов, необходимого для вступления в фазу коммунизма... Я ответил на ваш вопрос?

– Тогда, наверно, необходимо внести изменения в дей-

ствующую программу партии? – продолжил Груздев прессовать лектора.

На что тот сделал брови домиком и сказал:

– Такие вопросы задавались и на курсах при идеологическом отделе партии в Москве, где я недавно проходил переподготовку. И там было компетентно заявлено, что готовится новая редакция программы, которая будет принята на очередном съезде партии. – И улыбнулся: – Ну, теперь-то я, надеюсь, ответил на ваш вопрос?

– Чёрт тебя дернул, Сашка, со своими вопросами, – сказал потом Груздеву комсорг института. – Забреют тебя в армию.

Но он не угадал. На Груздева, по рекомендации обкома партии, конечно, обратили внимание в обкоме комсомола, и Александр попал в кадровый резерв, из которого была одна прямая дорога – в комсомольско-партийные работники.

Как и предрекал осведомлённый лектор, на XXVII съезде КПСС из программы изъяли устаревшую дату начала коммунизма и заявили о постепенном переходе от социализма к коммунизму, а также о необходимости ускорения социально-экономического развития. Это уже была весна 1986 года – начало перестройки.

И инструктор отдела промышленности, строительства, транспорта и связи Благовзвонского горкома КПСС Александр Груздев понёс в народные массы новые сумасбродные идеи кремлёвских мудрецов. Но массы не внимали, а пили водку, и тогда, для их же пользы, была начата антиалкоголь-

ная компания и введены талоны на спиртное.

Потом грянули непрерывной чередой многопартийность, августовский путч 1991-го, развал союзного государства, шоковая терапия для кошельков, приватизация, рыночная экономика. Как человек неглупый, Груздев понял, что в России победил капитализм, причём в самой его дикой форме, давно уже пройденной западными странами.

Вчерашние пламенные коммунисты побросали свои партийные билеты и занялись делёжкой социалистической экономики, взрывая конкурентов и обкрадывая трудовые коллективы.

Александр не поступился принципами и оказался на обочине новой жизни. Какое-то время он был учителем в школе, потом сторожем, потом получал пособие по безработице, собирал металлолом.

1 января 2000 года Александра Груздева нашли в его замызанной комнатёнке повесившимся. На колченогом столе, застеленном газетой, среди хлебных крошек, селёдочных костей и шкурок от сала, стояла пустая бутылка из-под водки и лежала короткая предсмертная записка: «Смерти нет, ребята!»

Человек-гастроном

Под этим памятником из чёрного гранита лежал Степан Кукушкин. Или просто Стёпа-гастроном.

Что такое дефицит, Стёпа узнал с раннего детства. Бывая в домах своих уличных друзей, он обращал внимание на то, что у каждой семьи имелось что-то такое, чего не было у других. Став постарше, он понял причину сего явления.

Если в доме каждый день мясо в щах, гуляш и котлеты на второе, а на компоте жирная плёнка, то кто-то из родителей работает на бойне. Если конфеты, мармелад и вафли – на кондитерской фабрике. Сливки, сметана и масло – на молкомбинате. Яблоки, виноград и бананы – на плодобоазе. В Стёпином доме ничего этого не было, зато сараюшка во дворе была забита электролампочками, розетками и выключателями – отец работал электриком.

Между соседями, как при царе Горохе, происходил натуральный обмен: бисквитный торт оплачивался свиной печенью, дыня – творогом, любой продукт – кругом изоленты или мотком провода.

Когда остальные школьники мечтали стать лётчиками, врачами и геологами, Стёпа знал, что будет торговым работником. Закончив институт советской торговли, он прошёл карьерную лестницу: продавец – завотделом – директор гастронома.

В 70 – 80-е годы прошлого века купить что-то дефицитное по знакомству называлось «достать по блату». Сидящие на дефицитах сбивались в блатные сообщества. Шёл взаимообмен мебелью, одеждой, обувью, книгами, грампластинками, радиотоварами. Нового человека в блатной компании так и представляли: «Знакомьтесь, Пал Палыч – стройматериалы». Затем Пал Палычу представляли остальных: Соломон Израилевич – ювелирный, Зинаида Абросимовна – авиабилеты, Иван Кузьмич – турпутёвки, Анна Ивановна – комиссионный, Степан Панкратович – индпошив.

Кукушкина в блатном сообществе, за глаза и в глаза, звали «гастрономом». Колбасы и копчёности, икра чёрная и красная, сыры твёрдые и мягкие, вина сухие, полусухие и креплёные, водки, коньяки и пиво, конфеты, бисквиты и торты, тушёнка, сгущёнка и гречка – вот на чём сидел Степан.

Как-то Кукушкин на рыбалке с друзьями, потроша карася для ухи, порезал острым ножом указательный палец левой руки. Йода или зелёнки с собой не оказалось, и он залил ранку «посольской» водкой. По возвращении домой палец покраснел, опух и мучительно заныл. Выдержав три дня, поочередно вымачивая палец в растворе соды, марганцовки и моче, но не получив облегчения, Степан пошёл в поликлинику. Само собой, по блату – без очереди и записи в регистратуре. Участковый терапевт, приняв в благодарность палку сервелата, принесённого пациентом в портфеле, осмотрел палец Кукушкина, уже ставший похожим на сардельку,

и дал направление к хирургу. Тот диагностировал запущенный абсцесс и сказал, что внутреннее нагноение надо срочно вскрыть разрезом.

Степан панически боялся уколов, он падал в обморок, когда у него брали для анализа кровь из пальца. Отдав хирургу вторую палку сервелата, Кукушкин спросил, будет ли при операции применён общий наркоз. Эскулап усмехнулся и объяснил, что для такой операции будет достаточно и местного обезболивания. Представив, как его больной палец обкалывают новокаином, а потом разрезают, и всё это при полном его сознании, пациент впал в животный ужас.

В ход пошли обещания завалить хирурга корейкой, грудинкой, ветчиной, балыком, бужениной и карбонатом – лишь бы был применён общий наркоз. Хирург, конечно же, понимал, что идёт на профессиональное нарушение, граничащее с преступлением. Это был хороший хирург, но, изголодавшись по мясным копчёностям, в тот момент он забыл все принесённые клятвы – и советского врача, и Гиппократата. И согласился-таки на общий наркоз при операции на пальце.

Директора гастронома поместили в предоперационное отделение и стали готовить к общему наркозу. Через два дня его, накачанного успокоительными препаратами, полусонного переложили с кровати на тележку и повезли в операционный блок. В коридоре на полу в керамической плитке была выбоина, в которую попало колёсико тележки. Тележка завалилась на бок, и пациент выпал на пол. Его всё-таки до-

ставили до места и уложили на операционный стол. Анестезиолог надел ему маску и пустил хлороформ. Как это нечасто, но случается, у больного остановилось сердце. Непрямой массаж сердца не помог, и хирург, сделав разрез грудной клетки, взял сердце Кукушкина в свою сильную ладонь и несколькими энергичными сжатиями запустил его вновь.

Из-за резко ухудшившегося состояния больного операцию на пальце отложили. Выяснилось, что при падении с тележки пациент сломал лучевую кость на правой руке, – срочно наложили гипс.

Придя в сознание среди ночи, повелитель царства продуктового изобилия в темноте попытался ощупать себя и с удивлением обнаружил, что его правая рука во что-то закована. Уже левой рукой он нащупал на правой руке гипс, а под левым соском – зашитый длинный поперечный разрез.

Утром дежурный по палате реанимации медбрат рассказал в подробностях Кукушкину, что с ним случилось вчера. Через двадцать дней его выписали из больницы. При этом дали направление в травматологию, чтобы там завершили лечение перелома.

Травматолог, посмотрев рентгеновский снимок, вспомнил негромким ласковым словом мать хирурга – за то, что тот неправильно зафиксировал обломки. Лучевая кость срослась криво, и её надо было опять ломать. Это было уже выше сил несчастного Кукушкина, но ему пришлось покориться. В отличие от хирурга, травматолог оказался несго-

ворчивым, да и чем бы он смог помочь пациенту в этом клиническом случае. Он по живому сломал кость и сложил как надо.

Вся эта больничная эпопея Кукушкина продлилась полтора месяца. В общей суматохе про воспалившийся палец, из-за которого вся эта карусель и закрутилась, доктора, и сам больной, как-то позабыли – всем было не до того. А когда вспомнили, нагноение пальца уже прорвалось само по себе.

В этой невесёлой истории был один позитив: Степан, после всего того страшного, что он перенёс, совсем перестал бояться уколов – подкожных, внутримышечных и даже, вы не поверите, внутривенных.

Сорокалетний Кукушкин прожил ещё восемь лет, и жил бы ещё долго, но утонул в море, отдыхая с молодой любовницей в Таиланде. Чёрт его понёс на этот дайвинг, лучше сходил бы на шоу трансвеститов.

Звонок от Чичикова

Кладбищенские рабочие обычно не упускают случая по-добрать с могилки початую бутылку водки, которую зачасую оставляют малопьющие родственники и друзья покойного. Подбирают и конфеты, завёрнутые в фантики. Худо-бедно, на кладбище всегда найдётся что выпить и чем закусить. Новички поначалу брезгуют этим угощением от покойников, но скоро привыкают. Куда ты денешься, если с утра горят трубы, а денег на опохмелку нет.

Миша Воробьёв, томимый неутолимой жаждой и страдавший от постоянного безденежья, в первый день работы на кладбище брезговал ровно одну секунду. Столько времени ему понадобилось, чтобы решиться выпить полстакана водки, которую он обнаружил на одном из надгробий. Не упускал он таких случаев и потом. Но как-то раз – то ли насвай Воробьёву по мозгам шарахнул, то ли макушку солнцем перегрело – случилось с ним нечто не поддающееся никакому логическому объяснению.

На одной из могил Михаил увидел закупоренную бутылку коньяка «Хенnessи» и плитку шоколада «Гунтхарт» с не порванной обёрткой. Станным было то, что могилка была явно заброшенной – заросшей травой по пояс и с просевшим холмиком, безо всяких опознавательных знаков. Тем не менее, шикарная выпивка и отличная закуска присутствовали

на ней.

«Что за чертовщина? – подумал Воробьёв. – Вдруг, отрава? Да и хрен с ним – помирать, так с кайфом!»

Он подобрал находку, нашёл ближайший столик со скамейкой и вкусил кладбищенских даров. Отхлебнув из бутылки несколько раз, он почувствовал необычайную эйфорию!

Старенький мобильный телефон Sony Миша носил в кармане как часы – сим-карта в нём давно была отключена за неуплату, да оно и к лучшему – не надоедали своими звонками многочисленные кредиторы. И вдруг этот мобильник запиликал мелодией вызова!

Воробьёв надавил кнопочку приёма и поднёс аппарат к щеке.

– Алё! Слушаю вас. Это кто?

– Чичиков, – ответил бодрый голос.

– Чего изволите, Павел Иванович? – неожиданно для себя перешёл на обходительный тон Воробьёв.

– Ты там мёртвые души переписываешь, мне доложили.

– Точно так.

– А знаешь ли, что на меня работаешь?

– Никак нет. Но теперь буду знать!

– Смотри мне, от работы там не отлынивай, пьянствуй поменьше. Скоро приеду за списками.

– Не подведу вашего доверия! – пообещал Миша.

Когда он к вечеру проснулся на кладбищенской скамейке, то не нашёл ни бутылки из-под коньяка, ни фольги от шоко-

ладки.

«Надо с насваем завязывать, – подумалось ему, – а то совсем крыша съедет».

Про лохотроны

Под богатым каменным надгробием лежал Фёдор Семёнов. При жизни он был сначала подающим большие надежды учёным-математиком, а потом известным в Благовонске бизнесменом.

Первым его шагом к богатству было мошенничество. Этот способ заработка лёгких денег Семёнов подсмотрел в 1991 году в Ленинграде, где был на защите своей кандидатской диссертации. Какой-то человек, по виду бурят, стоял на Невском проспекте и держал самодельный транспарант с надписью, выполненной на листе ватмана плакатным пером: «В фонд спасения Байкала». У его ног была картонная коробочка из-под ботинок, в которой лежала приличная кучка банкнот разного достоинства.

И Фёдор решил перенять опыт этого афериста. Поскольку сам он был гураном (потомки от смешанных браков русских первопоселенцев Забайкалья с местными народностями монголоидной и маньчжурской групп), его можно было принять за бурята. Решив, что для Ленинграда двух сборщиков денег в этот фонд будет многовато, он встал на экологическую вахту в Москве. Он простоял на Красной площади – возле собора Василия Блаженного – полдня и собрал сумму, равную своей месячной зарплате ассистента кафедры. На следующий день к нему подошли крепкие ребята в курт-

ках-кожанках и штанах-трениках и предложили свою крышу, потребовав за это четверть от выручки. Федя согласился. Потом подошёл постовой милиционер и предложил свою и своих сменщиков охрану по такой же таксе. Федя опять согласился.

Так он и стоял три года под двойной охраной, пока не попал под статью о незаконных валютных операциях. На Красной площади, известно, всегда много зарубежных гостей, и многие из них, услышав перевод надписи на Федином транспаранте, делали пожертвования в валютах своих стран. Его повязали возле Лобного места, где он обычно менял доллары, фунты, марки и иены у знакомого валютчика.

Демократия уже шагала по стране, но статью УК РСФСР за незаконные валютные операции ещё не отменили.

Отмотав три года на зоне, а потом ещё два года на химии, Семёнов приобрёл кучу полезных знакомств в уголовном мире. Откинувшись, – извиняюсь, выйдя на свободу, – он осмотрелся в новой уже жизни и убедился, что изменились лишь её формы, а содержание осталось старым. Как и встарь, все начальные капиталы сколачивались преступным путём. Больше всего, из-за малой стартовой затраты, ему понравились уличные лохотроны.

Не владея ловкостью рук, необходимой для игры в напёрстки и три карты, и будучи в прошлом научным работником с учёной степенью, Фёдор организовал беспрогрышную лотерею, в основе которой была теория вероятно-

сти, игравшая на руку ведущему. В непрозрачный вращающийся барабан закладывалось 36 целлулоидных мячиков от пинг-понга, шесть раз пронумерованных от 1 до 6. Игроку, заплатившему 100 рублей, предлагалось достать из барабана шесть шариков. Если хотя бы одна цифра повторялась дважды, игроку вручалась газовая зажигалка, трижды – электронная игрушка «Тетрис», четырежды – пылесос, пятижды – цветной телевизор... Счастливчику, доставшему из барабана шесть одинаковых цифр, тут же вручались ключи и технический паспорт от автомобиля «Жигули». По теории вероятности, за день машина могла выпасть приблизительно лишь одному из 10 000 000 игроков.

И хотя шансы выиграть «Жигули» были исчезающе малы, Фёдор подстраховался и здесь – ключи с вазовским брелоком были настоящие, а техпаспорт – поддельным.

В отличие от остальных лохотронщиков, Семёнов официально зарегистрировал свою беспроигрышную лотерею в городской администрации, ежемесячно отчисляя 10% от прибыли в бюджет Благозвонска на нужды культуры и спорта. Таким образом, он не только обезопасил себя от милиционеров, но даже получил их защиту. Впрочем, помня поговорку про суму и тюрьму, от которых не надо зарекаться, ещё половину от оставшейся прибыли он отдавал в воровской общак.

Скоро государственные мужи, в поисках дополнительных доходов в казну, удумали разрешить в России игорный бизнес. Не без деятельного участия Фёдора Семёнова Благо-

звонск превратился в русский Лас Вегас – весь центр города светился неоновыми огнями вывесок казино.

Это было воистину золотое время. Калейдоскоп рулетки, как магнит канцелярские скрепки, притягивал игроков, блэкджек-патрошитель выворачивал карманы клиентов – проигрывались заводы, пароходы и самолёты, квартиры, обручальные кольца и золотые коронки. Неудачники стрелялись и вешались. Семёнов уже не знал, куда деть деньги...

Фёдор Семёнов умер нелепой и мучительной смертью, откушав в Гонконге японских суши, заражённых неизлечимыми микроглистами, съевшими его организм изнутри за неполный месяц. За этот короткий срок он успел потратить на дорогостоящие, но совершенно бесполезные импортные лекарства все свои немалые сбережения на чёрный день.

Made in Blagozvonsk

Деревянная тумбочка, на которой был прибит мебельными гвоздиками кожаный лейбл Levi's, была памятником лучшему из благозвонских портных с основания города.

Портняжному делу Виктор Яблоков выучился ещё в школьные годы, переняв секреты ремесла у соседа по коммунальной квартире – бездетного бобыля Марка Захаровича Гольдштейна. Старый еврей зарабатывал на курочку тем, что обшивал артистов местного драмтеатра, а заодно и стилияг Благозвонска. Когда в универмаге продавались двубортные пиджаки унылого покроя и давно вышедшие из моды брюки с широкими штанинами, Гольдштейн воспроизводил по фотографиям из журналов Time и Life ультрамодные блейзеры на двух пуговицах короля рок-н-рола Элвиса Пресли и его брюки-дудочки по щиколотку.

К выпускному вечеру Витя сшил себе битловский костюм, с пиджаком без воротника и зауженными брючками, в надежде произвести фурор среди одноклассниц и выпускниц параллельного класса. Но на входе в школу его перехватил патруль из членов родительского комитета и завернул домой, переодеваться в нормальную советскую одежду. Витя устыдился своего старого школьного костюма, вытертого на локтях и с пузырями на коленях, и не пошёл на выпускной бал, до утра проплакав от обиды.

В текстильный институт он не поступил, не пройдя по конкурсу, и его призвали в армию. Три года рядовой Яблоков по ночам подгонял по фигуре военную форму дембелям. Искусство заключалось в том, чтобы китель и брюки не топорщились, но и не выходили за рамки уставных требований. Оплата за работу была натуральными продуктами – пайковым сливочным маслом и папиросами, которые некурящий Витя менял на конфеты-подушечки «дунькина радость». Но главное, что получил за это время Яблоков, был большой практический опыт. К концу службы он соответствовал шестому разряду швейника-моториста, хотя и работал на старинной машинке «Зингер» с ручным приводом.

Уволившись в запас, Виктор приехал домой и устроился в ателье индпошива Военторга. Три года он обшивал генералов и высших офицеров. Форменная и гражданская одежда благозвонского кутюрье шла нарасхват – чинам ниже полковничьего надо было ждать в долгой очереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.